

RED FLAG RIOTS – ВОЛНЕНИЯ ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ

Довольно многочисленная колония выходцев из России, сформировавшаяся в Австралии к началу Первой Мировой войны, насчитывала более 4 500 человек. Большая часть российских эмигрантов осела в штате Квинсленд на северо-востоке Австралии. Собственно, русские, украинцы и белорусы составляли в ней меньшинство, большинство было представлено прибалтами, евреями, финнами и немцами. Среди эмигрантов, прибывших в Австралию между 1906 и 1914 годами, было немало политических оппонентов царского режима, представлявших различные части пестрого политического спектра дореволюционной России – эсеров, меньшевиков, большевиков. Российские эмигранты работали преимущественно на рубке сахарного тростника, рудниках, железных дорогах, скотобойнях, некоторые владели своими фермами.

Во время Первой Мировой войны приток эмигрантов из России заметно снизился, более того, между 1914 и 1917 годом около тысячи уроженцев Российской Империи покинули пятый континент. Многими из них, безусловно, двигали патриотические устремления и желание вступить в Российскую армию.

Февральская революция еще более усилила обратный поток российских эмигрантов. 27 марта 1917 года консул России в Австралии А.Н. д'Абаза получил от российского посольства в Лондоне распоряжение о содействии всем политэмигрантам, желающим вернуться в Россию. Выполняя его, он проявлял выборочный подход, прежде всего, стремясь субсидировать возвращение в Россию либералов и меньшевиков. Тем не менее, и многие большевики нашли способ вернуться домой. В начале мая 1917 года из города Кэрнс (штат Квинсленд) в Россию отбыли члены так называемой Всероссийской Организации Индустриальных Рабочих Мира. Их провожала многотысячная демонстрация под красными флагами, на которых были написаны лозунги: «Да здравствует Русская Революция!»

Наиболее крупной русской политической организацией в Квинсленде был Союз Российских Рабочих (СРР), основанный в 1911 году видным большевиком [Ф.А. Сергеевым](#), известным под кличкой Артем. В середине 1917 года СРР остался без авторитетных руководителей, покинувших Австралию, в результате чего в нем наметился раскол по отношению к мировой войне. Большевики выступали против «хищнической империалистической войны», меньшевики, в общем, поддерживали политику Временного Правительства на продолжение войны до победного конца. Однако, влияние последних было незначительным из-за небольшой их численности, обусловленной репатриацией многих меньшевиков в Россию.

Слева - [Александр Зузенко](#) на плантации сахарного тростника в Квинсленде в 1916 году; справа - [Герман Быков](#) в 1916 году

Лидером большевистской группировки в СРР стал бывший горняк из Нового Южного Уэльса [Петр Симонов](#). Его ближайшим соратником был Александр Зузенко (родился в 1885 году в Риге), в годы первой русской революции – младший офицер на Черноморском флоте, позднее – рабочий на плантациях сахарного тростника в Квинсленде. После некоторых колебаний к Симонову и Зузенко присоединились анархист Николай Лагутин и «революционный марксист» Герман Быков (родился в 1891 году в Саратове). Подобная комбинация в руководстве СРР людей с довольно крайними революционными взглядами predetermined, с существенной мерой, максималистский характер русского рабочего движения в Квинсленде. В СРР в Мельбурне (штат Виктория), например, доминировали либералы и меньшевики, незаинтересованные в нагнетании политической напряженности.

Однако, патриотически настроенные англо-австралийцы рассматривали русские общины во всех городах страны как однородные группы воинствующих оппозиционеров, связанных с «внутренним врагом» – немецкоговорящим населением Австралии. Уже в феврале 1916 года газета *Truth* опубликовала статью «Интриги гуннов в Квинсленде: русские политические беженцы – защитники немецкой культуры» (гуннами в англоязычном мире тогда называли немцев - В. К.), которая вызвала гневную реакцию руководства СРР. К середине 1916 года полиция Квинсленда получила несколько доносов о том, что СРР – подрывная прогерманская организация, а его лидеры – немецкие агенты. Так, между 1916 годом и окончанием Первой Мировой войны (ноябрь 1918 года), к антигерманской истерии, типичной для Австралии в военные годы, стала примешиваться русофобия. Выход революционной России из войны усилил эти чувства. В начале 1918 года газета демобилизованных солдат *National Leader* писала:

Кем являются большевики в Австралии? Они провоцируют измену, убийства и беспорядки и работают на немцев. Их надо поместить в лечебницу...

Надо заметить, что революционного потенциала русских эмигрантов в Австралии стали бояться задолго до октября 1917 года. Уже в июне 1915 года правительственная газета *Direct Action* предупредила Джека Берка, секретаря брисбенской организации Индустриальных Рабочих Мира (ИРМ), чтобы он не давал «этим нигилистам из варварской России сбивать ИРМ с пути истинного, так эти ребята находятся здесь исключительно с преступными целями». С 1916 года австралийские военные цензоры держали под наблюдением всю корреспонденцию русских эмигрантов. Присылаемые в Австралию радикальные русские газеты, издаваемые в разных странах мира, конфисковывались. В гонениях на русских политэмигрантов принял участие и российский консул д'Абаза. В феврале 1916 года после его жалоб на нелояльность газеты СРР *Известия* министр

обороны Австралии запретил ее издание (ее, правда, быстро сменила газета *Рабочая Жизнь*).

Однако, отделения СРР росли и крепили не только в Квинсленде, но и в других штатах Австралии. Шеф полиции Квинсленда Чарлз Эрхарт, обеспокоенный ростом посещаемости русскими рабочими митингов ИРМ, даже потребовал ограничить въезд русских в этот штат.

К октябрю 1917 года антирусские и антибольшевистские настроения в Австралии достигли заметного накала. Боязнь социального взрыва усугублялась активным движением большого числа самих австралийцев против обязательного призыва в армию и страхом перед политическими беспорядками в среде немецкоговорящего населения. Октябрьская революция стала катализатором резкого всплеска русо- и коммунофобии. В декабре 1917 года газета *Lone Hand* сравнила австралийцев с «невежественными и эгоистичными большевиками из России» после того, как закон об обязательном призыве в армию был вторично отвергнут общенациональным референдумом. Газета *Morning Bulletin* прямо обвинила «русских анархистов» в таком исходе голосования.

В середине декабря 1917 года полицейские арестовали и жестоко избили в тюремной камере русского эмигранта Андрея Кончица, сломав ему руку. Этот инцидент вызвал митинг протеста 32-х русских рабочих, которых возглавлял Зузенко. Отмечено было и несколько случаев враждебного и необычно жестокого обращения полицейских с русскими, находящимися навеселе. Русская газета *Рабочая Жизнь* была вновь закрыта несмотря на протесты рабочих.

События набирали обороты. А.Н. д'Абаза подал в отставку с поста российского консула 26 января 1918 года. В ответ на это Л.Д. Троцкий, нарком иностранных дел Советской России, назначил российским консулом Петра Симонова, однако правительства штата Квинсленд и Австралии проигнорировали это назначение. Подписание 3 марта 1918 года Брест-Литовского мира вызвало новые взрывы русофобии в Австралии. Русских обвиняли в организации волнений, направленных против избрания кандидатов правой Национальной партии в парламент; в том, что они отбирают у австралийцев рабочие места.

Наибольшее негодование англо-австралийских лоялистов вызвал интернациональный митинг 1 мая 1918 года, проходивший под красными флагами и с пением «Интернационала» в обстановке демонстрации братских отношений между рабочими разных национальностей, включая русских и немцев. На митинге звучали антивоенные и антикапиталистические лозунги. Митинг вызвал негодование в лоялистских кругах, вместе с тем, в набирающем силу социалистическом движении в самой Австралии Советская Россия стала объектом симпатий и благожелательности.

Следует заметить, что не все русские эмигранты приветствовали Октябрьскую революцию. Например, двое горняков из города Селвин (Квинсленд) обвинили Зузенко в конце 1918 года в пренебрежении социальными вопросами, требовали от русской газеты *Знание и Единство* рассказать всю правду о большевизме и предупреждали о его тяжких последствиях для России. Один из них – В. Комаров – выразил недоверие советскому консулу Симонову, обвинив его в том, что «он не знает, того, что мы, русские рабочие, хотим, и в чем заключаются рабочие идеалы». Фермер Нилин в своей заметке в газете «Знание и Единство» критиковал некоторые статьи Брестско-Литовского договора, а в октябре 1918 года в австралийской газете *Cairns Post* обвинил большевиков в варварском убийстве русского царя.

Некоторые российские эмигранты, вернувшиеся на Родину, быстро разочаровались в «достижениях» диктатуры пролетариата. Джон Пол Грей (скорее всего, это псевдоним – В. К.), бывший секретарь СРР, по возвращении в Россию одно время занимал высокий пост в большевистском ЦИКе в Забайкалье. В 1919 году, с трудом получив въездную визу у

иммиграционных властей Австралии, опасавшихся прибытия еще одного агента Коминтерна, он вернулся в Брисбен и полностью отошел от политической деятельности. Еще один репатриант, вернувшийся в Австралию в 1918 году, - либерал Задорский – начал антибольшевистскую и антисоветскую кампанию в печати, предавая гласности эксцессы красного террора.

В антибольшевистской кампании приняли участие и демобилизованные солдаты из состава британских экспедиционных сил в России. Один из них – уроженец России Берк – рассказал в брисбенской печати о жестоком обращении большевиков с ранеными и пленными контрреволюционерами и солдатами японского оккупационного корпуса на Дальнем Востоке. Все это нагнетало русофобские настроения, и требования принять меры против местных русских вплоть до «избавления от этих паразитов» звучали все чаще и чаще. Тем не менее, русским большевикам отказывали в выдаче паспортов для выезда из Австралии, а полицейский контроль за внутренней жизнью русской общины продолжал ужесточаться. 19 сентября 1918 года была запрещена публичная демонстрация красного флага, «как символа вражеской страны». В конце сентября Симонову запретили публичные выступления. Тот, тем не менее, уже в октябре посетил с лекциями Ньюкасл, Сидней и Мельбурн, где был восторженно встречен представителями левых организаций.

Одновременно с этим власти запретили также и Зузенко публиковать что-либо в печати. Газета «Знание и Единство» была запрещена, но уже в январе 1919 года вновь вышла в свет уже на английском языке под редакцией Цивы «Фанни» Розенберг (позднее жены Зузенко).

В начале ноября 1918 года в Сентенниал Холле Брисбена должен был состояться митинг, посвященный первой годовщине Октябрьской революции. Приглашение принять участие в митинге получили различные рабочие организации. Правая печать потребовала запрещения митинга, но премьер-министр Квинсленда Райан на это никак не отреагировал. Указ о запрете поступил от федерального министра обороны, который также рекомендовал военному коменданту захватить любое здание, в которое митингующие попытаются переместиться.

8 ноября группы лоялистов с пением «Боже, храни Короля» вышли на улицы сумели остановить колонну русских и австралийцев, направлявшихся к месту митинга. Те с пением революционных песен прошли в южную часть города и собрались в пустующем холле. Однако, едва начавшийся митинг был прерван прибытием около 200 демобилизованных солдат, которые стали заглушать речи пением патриотических песен. Митингующие ответили пением революционных песен, но через 20 минут после начала этого необычного певческого состязания кто-то вылил на пол пахучую жидкость, таким образом рассеяв толпу...

Вскоре после этого последовали репрессии против Симонова. На основании Акта о Безопасности в Военное Время (War Precaution Act) он был приговорен к штрафу в 100 фунтов за пропагандистскую деятельность и, после отказа заплатить штраф, был заключен на один год в тюрьму (откуда его выпустили в июле 1919 года по состоянию здоровья).

Так 26 марта 1919 года газета Daily Mail изобразила противостояние демобилизованного австралийского солдата и русского большевика

В январе 1919 года в Brisбене состоялась демонстрация примерно тысячи горожан, в основном, либерально настроенных англо-австралийцев, с требованием отменить War Precaution Act. Красные флаги, банты и ленточки были представлены в изобилии. На некоторых плакатах были лозунги с требованиями прекратить интервенцию союзников в России. Обстановка накалялась. Шеф полиции Эрхарт потребовал депортации лидеров нелояльной русской группировки. Серия полицейских рейдов и обысков в помещениях СРР выявила наличие революционной литературы, флагов, печатного оборудования и огнестрельного оружия. 22 февраля СРР объявил себя «советской» организацией. Реакция не заставила себя ждать. В январе-марте 1919 года лоялистские группы провели антибольшевистскую мобилизацию. Группы слились в Объединенный Лоялистский Союз/*United Loyalist Executive*, который к марту насчитывал уже 70 000 человек по всему штату Квинсленд. Союз поддерживал тесные контакты с полицией.

Русские и австралийские социалистические радикалы, тем временем, держали курс на конфронтацию с властями. Ирония ситуации была в том, что многие русские большевики стремились получить разрешение на выезд, да и лоялисты стремились к той же цели - изгнать их из страны как можно быстрее. 23 марта в Brisбене должна была состояться демонстрация в защиту гражданских свобод. За день до нее Фанни Розенберг писала в газете *Knowledge and Unity/Знание и Единство*:

Социальная революция приближается с каждым днем... Наши капиталистические хозяева слишком много едят, слишком ленивы и избегают волнений. Давайте побеспокоим их непрерывной агитацией. И пусть гром гремит на всех улицах и площадях... Да здравствует агитация, непрерывная агитация!

Полиция дала разрешение на демонстрацию, получив обещание не поднимать красные флаги. Однако, члены СРР и австралийские радикалы настояли на своем, в результате чего над колонной из 300-400 демонстрантов были подняты три красных флага. У многих демонстрантов на одежде были красные банты и ленточки. Кордон из восьми полицейских попытался остановить процессию, но демонстранты, ведомые несущими флаги Зузенко и Быковым прорвали заслон и двинулись вперед. Присланные на помощь четверо конных полицейских также не сумели остановить колонну, движущуюся к центру города.

На центральной площади начался митинг. Толпа демонстрантов и просто зевак насчитывала уже около 1 000 человек, когда ее атаковали группы лоялистов и

демобилованных солдат. С криками «вычистим эту мразь из Брисбена» они начали сбивать с ног ораторов и избивать русских. Лоялисты скинули в реку платформу, с которой выступал Быков. Самого Быкова избивали, и кроме того, он получил ножевую рану. Полицейские бесцеремонно растаскивали демонстрантов и заталкивали их в проходящие трамваи... Зузенко удалось бежать. Он бросился в штаб-квартиру CPP, стремясь предупредить своих товарищей о грозящей опасности. Двухтысячная толпа лоялистов с пением патриотических песен двинулась в том же направлении. Когда они приблизились к штаб-квартире CPP, Зузенко и еще с тремя русскими преградил им путь и трижды выстрелил поперх голов, посеяв в толпе панику. Толпа отступила на пару сотен метров, и тут вмешалась полиция, попытавшаяся сдержать разъяренных лоялистов. Двое полицейских в штатском вступили в переговоры с группой вооруженных ружьями и револьверами русских из 30-40 человек, занявших оборону напротив своей штаб-квартиры. Русские потребовали отогнать толпу и предупредили, что будут сражаться до последнего человека. Услышав это, полицейские попытались уговорить лоялистов разойтись по домам, так как «если эти люди пустят в ход оружие, может случиться непоправимое».

Демобилизованные солдаты не обратили внимание на уговоры, но начавшийся ливень все-таки рассеял толпу. Лоялисты, однако, пообещали прийти на следующий день, чтобы разобраться, «кому принадлежит Австралия – австралийцам или большевикам». Организаторы призвали бывших солдат принести с собой «любое доступное оружие, чтобы подавить большевизм в Австралии раз и навсегда». Полиция тоже не теряла попусту время - все увольнительные были отменены, личный состав был приведен в полную боевую готовность. Штаб-квартира CPP и близлежащие дома, заселенные русскими, подверглись обыску, библиотека CPP была разгромлена.

24 марта семитысячная толпа лоялистов вышла на улицы Брисбена. Раздавались призывы «взять закон в свои руки», «выкинуть из Квинсленда грязных русских варваров», «сжечь их зал собраний... повесить их». Группа вооруженных демобилизованных солдат, многие из которых были «на взводе», устремились к штаб-квартире CPP, но на этот раз дорогу им преградили 60 полицейских с винтовками в руках. Винтовки были заряжены, штыки приведены в боевое положение. Солдаты бросились на полицейских, но в этот момент с тыла их атаковали 10 конных стражей порядка. Многие бывшие солдаты были сбиты с ног, полицейские активно работали кнутами, разгоняя людей по близлежащим переулкам. Однако, бывшие фронтовики не намеревались отступить – в ход пошли камни, пустые бутылки, колья из оград соседних домов. Раздались выстрелы и началась паника. В общей неразберихе трое конных стражей порядка врезались в кордон пеших полицейских, сбивая их с ног. Кордон дрогнул, и, несмотря на то, что полицейские активно работали штыками и прикладами, отдельные группы бывших солдат прорвались к зданию CPP и начали бить в нем стекла.

Через два часа после начала побоища наступило некоторое подобие перемирия. Группе бывших солдат разрешили войти в штаб-квартиру CPP, чтобы убедиться в том, что русских там нет. Стоит ли говорить, что эта инспекция обернулась погромом... По дороге домой толпа бывших солдат нанесла ущерб еще нескольким домам, магазинам и кафе, принадлежавшим иностранцам. В результате уличного сражения 19 полицейских получили ранения, включая одно огнестрельное. Среди раненых оказался и шеф полиции Эркхарт, которому случайно проткнул плечо штыком активно работающий прикладом полицейский. Трое лошадей были ранены, одна из них, по иронии судьбы носившая кличку *Царь*, скончалась. Ранения и увечья, полученные бывшими солдатами, никто и не пытался считать. Только чудом удалось обойтись без человеческих жертв...

На другой день на одной из площадей города собралась 12-тысячная толпа лоялистов. С уже ставшим привычным лозунгом «очистить город от русских и заразы большевизма» толпа перебила стекла в помещении газеты *Daily Standard*, осмелившейся в утреннем выпуске покритиковать лоялистов за чрезмерное усердие. В течение нескольких последующих дней насилие по отношению к любому субъекту, заподозренному в принадлежности к русской общине или симпатиях к большевикам, стало нормой. Полиция

пыталась воспрепятствовать этому, но многие русские были избиты и попали в больницы. Все это напоминало настоящие погромы и «охоту за ведьмами», распространившиеся по всему штату. Дошло до того, что на одном из рудников Квинсленда русский шахтер, попросивший дополнительную взрывчатку для проведения горных работ, вызвал настоящую панику среди других рабочих. Русских стали увольнять с работы, от них отворачивались друзья и знакомые....

Между 31 марта и 7 июля 1919 года состоялось несколько судебных процессов, на которых участники демонстраций «под красным флагом» были приговорены к штрафам и тюремным срокам от одного до 10 месяцев. Среди 16 осужденных было несколько иммигрантов из России, в том числе, Герман Быков, Марк Остапенко, Стив Толстобров, Пол Лейшман и Луис (Людвик) Рослан. Судебные преследования сопровождались депортациями. В начале апреля Зузенко был выслан на Цейлон, а 5 июня его беременная жена Цива Розенберг - в Александрию (Египет), где попала с новорожденным ребенком в тюрьму. Были также депортированы Михаил Вишневецкий, Герман Быков, Константин Клушин, Петр Креслин, Вальтер Маркин, Михаил Розенберг (отец Цивы) и Вольф Вайнберг. Высылка последнего была форменным головоутием полиции: этот человек не имел никакого отношения к политике. Он был артистом и танцором, а в последнее время работал на фабрике одежды. Его перепутали с уехавшим из Австралии за два года до описываемых событий человеком по имени Фрэнк Мадорский!

Все высланные вернулись в Россию. Зузенко позднее стал капитаном судна, совершавшего рейсы между Петроградом и Лондоном, продолжая деятельность по линии Коминтерна. В 1922 году он еще раз побывал в Австралии под видом норвежского моряка, скорее всего, с тайной миссией. Михаил Розенберг после возвращения в Советскую Россию продолжал работать за рубежом, занимаясь политической и разведывательной деятельностью. Оба они, так же, как и Симонов (последний позднее руководил работой Коминтерна на необъятных просторах владений Британской Короны), исчезли в период репрессий во второй половине 30-х годов.

Следуя распоряжениям из Великобритании, не желавшей возвращения в охваченную огнем Гражданской войны Советскую Россию активных революционеров, австралийские власти не торопились тратить деньги на депортацию нескольких сотен российских иммигрантов, стремившихся выехать на Родину. В июле 1919 года генерал-губернатор Австралии предложил давать русским разрешение на выезд только в том случае, если они будут взяты на военную службу командованием британских экспедиционных сил в России...

В 1919-20 годах небольшие митинги австралийских левых социалистов и русских рабочих еще имели место, но они уже не вызвали особенно бурной реакции лоялистов. Летом 1919 года вновь стала выходить русская газета «Знание и Единство», сохранившая свою большевистскую ориентацию. Волнения под красным флагом, вошедшие в австралийскую историю под названием *Red Flag Riots*, ушли в прошлое...

В это же время Петр Симонов развернул активную деятельность по созданию коммунистической партии в Австралии. В августе 1920 года в первом номере ежемесячного журнала *The Communist*, вышедшем в Брисбене под редакцией бывшего осужденного по делу о «бунтах под красным флагом» Джорджа Тейлора, появилась заметка о «неизбежности насильственной революции». В октябре 1920 года на конференции в Сиднее была создана компартия Австралии (КПА). Газета *Знание и Единство* стала органом КПА в Квинсленде. Многие партийные ячейки в этом штате были созданы при деятельном участии русских иммигрантов, а наиболее радикальную группу, отрицавшую всякое сотрудничество с «существующей государственной машиной», возглавил бывший анархист и активист СРР Николай Лагутин.

КПА, у истоков создания которой стояли русские большевики, преодолела трудные 20-е годы, находясь под постоянным надзором полиции и политическим прессингом со стороны лоялистов. Эти трудности не помешали ей создать сплоченную, хорошо законспирированную и готовую к подпольной работе организацию. Окрепшая в годы Великой Депрессии КПА никогда не теряла связи с Советской Россией и Коминтерном. Последний сыграл огромную роль в создании во многих странах мира разветвленной и отлично организованной агентурной сети, долгие годы работавшей на первую в мире страну социализма. Не стала исключением и КПА - многие ее члены в 40-50-е годы приняли активное участие в [шпионаже в пользу СССР](#).

R. Evans. The Red Flag Riots. A Study of Intolerance.1988

Возврат к главной странице www.warsstory.org